

REVIEWS

Siegfried Tornow, *Die häufigsten Akzenttypen in der russischen Flexion*, Berlin–Wiesbaden, 1984. (Veröffentlichungen der Abteilung für Slavische Sprachen und Literaturen des Osteuropa-Institutes (Slavisches Seminar) an der FU Berlin, Bd. 57), 531 S.

Обширная монография С. Торнова, посвященная русскому флексийному ударению, разделяется на восемь глав; сюда входит также обратный список слов, охватывающий используемый автором словарный минимум, список сокращений и литературы. Предметного и именного указателя в книге, к сожалению, нет.

Все восемь глав книги объединяются в три группы: главы 1–4 (стр. 1–146) посвящены основам, предпосылкам и предмету работы, в главах 5–7 (стр. 147–438) можно найти собственно описание ударения, к которому в главе 8 (стр. 439–469) присоединяется заключение.

В первой главе ('Problemstellung und Literaturbericht', стр. 1–37) автор излагает интересующие его вопросы. Это, во-первых, "объем и релевантность" (стр. 1) известной подвижности русского словесного ударения (у Т. "акцентная мобильность"), и, во-вторых, вопрос об "объеме и релевантности" вариантов более или менее фиксированной нормы (у Т. "акцентная нестабильность"). Автор показывает на примерах, насколько противоречивы могут быть данные различных грамматик и словарей: допустимы ли указанные варианты, взяты ли они из просторечия или просто неправильны? Или, может быть, это устаревшие формы? Эти вопросы интересуют автора прежде всего с точки зрения изучающего русский язык. Формулировка выдвигаемых вопросов, как и само название книги, указывают на то, какие методы автор использует, отвечая на эти вопросы: для того, чтобы дать читателю такой обоснованный ответ, который мог бы выделить единичное из типичного, исключения из правил, автор должен провести эмпирические подсчеты.

Из установки автора на изучение русского языка как иностранного следует, что его – в отличие от других исследователей – интересуют акцентные свойства не всего русского словарного состава, а только словарного минимума, который сначала надо еще определить. Этот отбор осуществляется автором путем сравнения и оценки четырех частотных словарей – Засорина (1977), Jösselson (1953), Steinfeldt (1971), Nowikova (1972); в результате из каждого он выбирает 2500 наиболее употребительных слов. При этом автор в основном ограничивается исследованием существительных, прилагательных и глаголов. Таким образом, в конечном итоге автор получает 3223 различных слов, которые и представляют собой предмет его исследования. Это те

же самые слова, которые он приводит в приложении. Во всех следующих подсчетах эти слова рассматриваются одинаково, т.е. больше не учитывается их различная частотность, но зато их акцентная вариантность. Иными словами, мы имеем дело с системным количественным исследованием эмпирически полученной выборки.

Вторая глава рассматривает “сущность и функцию русского словесного ударения” (стр. 38–63). Оно описывается в рамках известных оппозиций ‘свободного’ ~ ‘фиксированного’ ударения и ‘подвижного’ ~ ‘неподвижного’ ударения как свободное и подвижное ударение. Кроме этого, автор пользуется предложенным А. А. Зализняком разграничением условного и действительного ударения (у Т.: “гипотетическое” – “фактическое”, ср. стр. 61) и понятием акцентной парадигмы (у Т.: акцентный тип, ср. стр. 62).

Рассуждение Т. направлено прежде всего на отказ от “различения между свободным/лексическим и подвижным/грамматическим” ударением для таких языков как русский или болгарский (стр. 48). В этом разделе встречаются, однако, некоторые неясности. Так, например, раздел 2.4.2. озаглавлен “Лексическая и грамматическая функция подвижного словесного ударения”. Здесь говорится о том, что в исследуемом словарном минимуме ударение в 53 случаях используется для лексического различия между словами (например *мук’а* – *м’ука*), а в 432 случаях оно различает грамматические формы одного и того же слова (например *л’еса* ед.ч. – *лес’а* мн.ч.). Эти и им подобные соотношения в болгарском языке, на которые указывает Т. (ср. стр. 51 сл.), все-таки не могут доказать желаемое: подвижное ударение как таковое *per definitionem* имеется только внутри парадигмы форм одного слова; “лексической функции” подвижного ударения просто не существует. Минимальная пара *мук’а* – *м’ука* является примером не подвижного ударения, а свободного. Автор подразумевает здесь нечто другое: в языке с ясно выраженным подвижным ударением число слов, различающихся одним только ударением, мало, в случае же неподвижного ударения оно может быть больше. Но выдавать это за “закон”, различающий “два сорта языков” (стр. 52), нельзя; для этого эмпирический базис исследования все-таки слишком мал (помимо русского и болгарского приводятся примеры из немецкого и английского языков). В крайнем случае можно сказать, что здесь речь идет о статистической тенденции, а не о категорическом законе. Даже если бы все рассуждения автора были правильны: необходимости отказаться от различия понятий свободного и несвободного ударения, а также подвижного и неподвижного ударения из этого не следует, так как понятие свободного ударения совсем не имплицитно того, что в дан-

ном языке существует большое число слов входящих в акцентные минимальные пары. Это вопрос языковых данных, а не теории.

В пересмотре нуждается и утверждение автора, будто подвижное ударение “свободно по необходимости” (47). Польский язык, на который автор сам ссылается, дает достаточное количество противоречащих этому примеров: закрепленное за предпоследним слогом в слове фиксированное ударение польского вполне может быть подвижным в формообразовании, например, в том случае, когда два окончания обнаруживают различное число слогов, ср., например, *czytām – czytàmy*. Конечно, на это можно возразить, что такая подвижность автоматична именно из-за своеобразных условий фиксированного ударения в польском, и ее не следует учитывать, но об этом у Торнова нет и речи, и на чисто фонологическом уровне подвижность все-таки дана. Вообще бросается в глаза, что понятия фиксированного и подвижного ударения, которые так очевидно являются центральными для его работы, в сущности не определяются, а просто вводятся дискурсивно (стр. 47, ср. также стр. 57).

Третья глава (*‘Die “richtige” Betonung’*, стр. 64–79) посвящена проблеме нормы и вариантов в языке. Коротко представлены теоретические проблемы (по работе Горбачевича 1975) и их практическое решение в лексикографии. Автор, чьи интересы лежат в дескриптивной области, указывает на тесную эмпирическую связь между подвижностью ударения в слове и существованием акцентных вариантов, которую он хочет показать и на историческом материале. Автор пытается на восьми страницах описать развитие сегментальных, а также суперсегментальных элементов звуковой системы современного русского языка, начиная с праславянского, так, чтобы это и непосвященному читателю могло бы принести пользу; эта попытка, однако, как такие указания на исторические предпосылки синхронной системы ни полезны, не удалась. Для этого материал слишком сложен. Тут уместна была бы и ссылка на новые направления диахронной акцентологии, в особенности на многочисленные работы В. А. Дыбо (см. итоги в монографии 1981 г.), так как указанный автор давно уже занимается именно развитием акцентных парадигм в славянских языках.

Четвертая глава (*‘Die häufigsten russischen Substantive, Adjektive und Verben’*, стр. 80–146) представляет собой в основном алфавитный список обследованного словарного минимума (стр. 82–141). Грамматические пометы, применяемые в этом списке, объясняются, к сожалению, только частично (ср. стр. 81). Для того, чтобы ознакомиться с систематикой автора, читатель вынужден обратиться к списку сокра-

щений (стр. 525). Этот алфавитный список только незначительно отличается от “Обратного перечня слов словарного минимума”, приведенного в приложении (стр. 470–523): первый список дает читателю грамматическую информацию, второй – индекс (ссылок на первый в нем, кстати говоря, нет). Эти два списка вполне можно было объединить (по нашему мнению, достаточно было бы алфавитного) и, таким образом, сэкономить целых 50 страниц. Несколько статистических данных о соотношении источников (т.е. четырех частотных словарей) и об использованном в них материале заключают главу.

Следующие три главы, составляющие основную часть книги, структурированы по определенной, единой схеме. В начале каждой главы автор коротко останавливается на определении рассматриваемой части речи, ее грамматических категориях и морфологическом выражении этих категорий. Затем следует распределение словарного минимума по акцентным парадигмам с учетом суффиксов, морфологических разрядов и числа слогов. Не только исключения, но и совершенно регулярные случаи каждой группы часто представлены в форме длинных списков. “Акцентный *status quo*” дополняется “историческим обзором”, “перспективой дальнейшего развития” и заключением.

Вводные замечания к грамматическим категориям и к средствам их выражения с одной стороны не дают читателю ничего того, чего бы он уже не знал из других сочинений, и не могут заменить их чтение с другой стороны; для этого эти замечания слишком коротки. Кроме того, не всегда ясно, какой языковой уровень автор в конце концов описывает. Так, например, в разделе о существительных говорится: основа “не претерпевает в процессе словоизменения принципиально никаких изменений” (стр. 151), так как явно имеется в виду графематический уровень, как это и показывают приводимые автором исключения. На следующей странице таблица флексий написана латинскими буквами; транслитерация здесь не могла подразумеваться, потому что мы не находим, например, *-et* рядом с *-om* (тв.п. ед.ч. сущ. м.р.) и *-u* рядом с *-i* (им.п. сущ. ж.р.), а (морфо)фонологическая транскрипция тоже здесь автором не употреблена, так как читаем *-ami* (а не *-am'i*) и *-e* рядом с *-o* (им.п. сущ. ср.р.). С другой стороны, о глаголах, инфинитивной основе и основе настоящего времени говорится, что они “принципиально различны” (стр. 381); здесь может иметься в виду – в отличие от предыдущего высказывания – только фонологическая транскрипция.

Важные предпосылки дескриптивной работы, как, например, различие между морфологическим описанием ударения (у Т. “грамматическое”, стр. 157) и фонологическим/слоговым (у Т. “ритмическое”),

вытекающее отсюда различие между ударением на окончании и конечным ударением и т.д., вводятся автором только при конкретном описании существительных, хотя они должны были бы стоять в первой части книги. Кто после чтения Введения сразу откроет часть книги, описывающую ударение глаголов, тот ничего не узнает об этом различии (тем более, что предметного указателя нет).

Не особенно целесообразным кажется мне брать названия и определения акцентных парадигм у одного автора, а морфологическую классификацию того же материала у другого. То, что автор пользуется традиционной, интуитивно неясной классификацией глаголов, не применяя при этом общепринятые сокращения для обозначения акцентных парадигм (т.е. а, b, с и т.д.), делает, в особенности описание глаголов, малонаглядным. В любом случае рекомендовалось бы пользоваться только одним источником, в данном случае конечно “Грамматическим словарем” А. А. Зализняка (1977а), сразу ставшим нормативной работой в этой области.

Удачной можно назвать попытку “перспективного взгляда” на дальнейшее развитие системы ударения русского языка. Здесь Т. различает между “продуктивностью” и “перспективностью”, которая состоит в том, что акцентный тип выдвигается на основании перехода существующих слов из одного типа ударения в другой, а не посредством новообразований. Можно также приветствовать заключения этих обширных и избыточных материалов глав.

К результатам, особенно подчеркиваемым автором, относится эмпирическая связь между определенными фонологическими и морфологическими свойствами данного слова с одной стороны, и подвижностью его ударения с другой. Так, например, по Т. имеют предрасположение к подвижному ударению односложные существительные ср. р. с начальным ударением, а также существительные ж.р. i-склонения, в то время как другие односложные существительные обладают “иммунитетом” против него (ср. стр. 442). Подобные результаты могут быть использованы для формулировки основных правил ударения грамматических классов, в которых – за исключением существительных м.р. – в сущности имеет место конкуренция только двух, а не всех трех акцентных типов (стр. 444). У глаголов на -ить можно выявить корреляцию между их “книжностью” и флексийным ударением презенса (стр. 445), в то время как у других слов, в том числе и у существительных м. р., можно наблюдать тенденцию перехода от флексийного ударения к подвижному. Т. интерпретирует эту тенденцию функционально: акцент таким образом либо способствует различению между ед. ч. и мн. ч. или между настоящим временем и повели-

тельным наклоном, либо является единственным средством выражения этого различия (ср. стр. 447). Подвижное ударение по Торнову является перспективным – но не продуктивным: анализ неологизмов показывает, что они все без исключения обнаруживают устойчивое ударение (в большинстве случаев наосновное) (стр. 456). Там, где встречаются варианты словоизменительного ударения, можно вслед за Зализняком (1977б) установить связь между “освоенностью” слова и (новой) грамматической подвижностью ударения с одной стороны, и “неосвоенностью” слова и старой фонетической мобильностью (или иммобильностью), с другой стороны (ср. стр. 462 сл.). Т. заканчивает свою книгу неким – мнимым – парадоксом: подвижность ударения не имплицитно еще мобильности (стр. 468), но: чем чаще определенное слово встречается (а наиболее частые слова нередко имеют подвижное ударение), тем выше его предрасположение к колеблющемуся ударению, тем выше, правда, и вероятность выравнивающих тенденций (стр. 469).

Восьмая глава (‘Schluß’, стр. 439–469) дает читателю хорошую, ясную картину основных черт русского словесного ударения как в синхронном, так и в диахронном плане (и притом вверх и вниз по временной оси) с привлечением полученных автором новых результатов. Здесь можно найти и статистический обзор долей различных типов ударения (флексионное, наосновное и подвижное). Это одна из лучших частей книги.

Автор уже в названии книги указывает на то, что он собирается предоставить читателю квантитативное исследование, что он затем и обосновывает в ходе рассуждений. Такие исследования всегда можно приветствовать, так как статистика дает в распоряжение исследователя эффективный инструмент, который при обдуманном применении может ответить на разные вопросы. К сожалению, автор ограничивается простейшими методами дескриптивной статистики, а именно подсчетами абсолютных значений и их процентным изложением. Дальнейшая обработка многочисленных таблиц, необходимость которых не всегда просматривается, отсутствует; было бы желательно, чтобы автор хотя бы немножко ознакомился с методикой и терминологией квантитативной лингвистики. Тогда удалось бы избежать некоторых неудачных формулировок (‘Das Regelmäßige als Zählergebnis’, стр. 4) и яснее выразить иное положение вещей (например, при использовании общепринятых терминов ‘type’ и ‘token’), а также проверить обоснованность некоторых выводов. Таблицы могли бы быть также изображены наглядней. Бросается в глаза, что в указателе литературы нет ни одного названия книги по квантитативной лингвистике или

статистике.

Что касается концепции книги, то следует отметить, что ее как грамматику по ударению словарного минимума в качестве справочника использовать невозможно, хотя такой способ изложения и рекомендуется тематикой исследования. Остается констатировать тот факт, что способ изложения полученных автором результатов, пригодный для изучения русского языка как иностранного, предстоит еще выработать. Для этого книга дает обширный материал. Было бы интересно сравнить результаты работы Торнова с работой Мустайоки, который занимался подобной темой под подобным аспектом и при помощи подобного метода.

ЛИТЕРАТУРА

- Дыбо, В. А.: 1981, *Славянская акцентология. Опыт реконструкции системы акцентных парадигм в праславянском*, Москва.
- Горбачевич, К. С.: 1975, *Вариантность слова и языковая норма. Автореферат*, Москва.
- Josselson, H. H.: 1953, *The Russian word count*, Detroit.
- Mustajoki, A.: 1980, *Типы ударения имен существительных в современном русском литературном языке и их минимизация в учебных целях*, Helsinki.
- Nowikowa, I. (Hg.): 1972, *2380 слов. Die gebräuchlichsten Wörter der russischen Umgangssprache*, Hamburg.
- Šteinfeldt, E.: 1971, *Häufigkeitwörterbuch der russischen Sprache*, Moskau.
- Зализняк, А. А.: 1977а, *Грамматический словарь русского языка. Словоизменение*, Москва.
- Зализняк, А. А.: 1977б, 'Закономерности акцентуации русских односложных существительных мужского рода', *Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики*, Москва, 71–119.
- Засорина, Л. Н.: 1977, *Частотный словарь русского языка*, Москва.